

М.С. Тысячнюк

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ ТРАНСГРАНИЧНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ДВИЖЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ*

В статье анализируется то, как НПО и общественные движения пытаются воздействовать на ядра глобального дизайна с целью трансформации разрабатываемых ими практик и дизайнов. Анализ показывает, что одни и те же организации могут играть в разных ситуациях роль общественного движения и НПО. Они мобилизуют население на акции прямого действия, потребительские бойкоты и пр., а в других ситуациях разрабатывают в ядрах глобального дизайна альтернативные решения, способствующие устойчивому развитию в локальностях по всему миру. Таким образом, гражданское общество фактически становится создателем правил, действующих в ранге глобальных законов. Тем самым оно в какой-то мере восполняет отсутствие всемирных наднациональных законодательных систем.

Ключевые слова: *НПО, общественные движения, ядра глобального дизайна.*

Key words: *NGO, social movement, node of global governance design.*

Введение

В последние десять-пятнадцать лет процессы глобализации значительно ускорились и вступили в новую фазу в связи с развитием интернет-технологий, более активной экономической интеграцией и развитием между-

* Статья была написана в рамках работы по проекту «Транснационализация управления лесами», поддержанного Академией наук Финляндии (грант № 121428).

народных корпораций. В этих новых условиях социология общественных движений, которая прежде создавала свои теории в рамках отдельных государств, преимущественно индустриально развитых, требует переосмысления. В таком же переосмыслении и по тем же причинам нуждаются и исследования политологов и созданные ими теории третьего сектора.

Сегодня по всему миру растет влияние международных корпораций, которые создают сети, действующие в различных регионах и выходящие из-под контроля отдельных государств и их локальных законодательств. Международные корпорации активно участвуют в управлении, принимая экономические решения, воздействующие на экономику, экологию и социальную сферу сразу нескольких государств. Это становится возможным благодаря тому, что корпорации выносят основные производства из индустриально развитых стран в развивающиеся, что ведет к сокращению количества рабочих мест в развитых странах и к росту в развивающихся, но при этом используются потогонные системы и часто снижаются требования к соблюдению экологических стандартов за счет того, что в данных странах экологическое законодательство не столь строгое, как в индустриально развитых. В связи с этим меняется структура гражданского общества, противодействующая негативным последствиям глобализации. Если раньше общественные движения в своем стремлении изменить практики бизнеса для достижения своих экологических и социальных целей апеллировали к правительствам своих государств с требованиями усилить законодательства и часто действовали путем протестов или обращения в суды, то сегодня подобные действия становятся неэффективными. Теперь для достижения своих целей общественные движения должны либо больше напрямую воздействовать на бизнес, используя информационные войны против наиболее известных брендов, либо обращаться к надгосударственным структурам и организациям, таким как Всемирная Торговая Организация (ВТО), Всемирный Банк, Международный Валютный Фонд (МВФ), или крупным международным саммитам.

Целью статьи является осмысление изменения структуры и функций общественных движений в современном обществе. Здесь также будут проанализированы существующие теории, их трансформация, и намечены новые перспективные направления исследований в этой области. Традиционно социологи общественных движений разделяют организации общественного движения и негосударственные организации (НПО), видя их отличие в том, что организации общественного движения вырастают из самих движений при их институализации, а НПО могут создаваться государством, как следствие, первые всегда противостоят государству, а последние могут быть с ним в партнерских неконфликтных отношениях. Изучением НПО чаще занимаются исследователи третьего сектора и политологи, при этом они рассматривают их как часть гражданского общества.

Результатом такого разделения областей исследования является то, что часто одни и те же организации (Гринпис, Всемирный Фонд Охраны Природы и другие) рассматриваются одними исследователями как организации общественного движения, а другими как НПО. Я придерживаюсь мнения, что между теми и другими организациями не существует строгой грани и рассматриваю их как части единого процесса, не разделяя их терминологически.

Некоторые исследователи рассматривают глобальные общественные движения как движения сопротивления против глобальных процессов, негативно влияющих на жизнь местных сообществ (Castels 1997: 72–74; Castels 2009, Batlivala 2004: 65–70; Mittelman 2000). Например, Мануэль Кастельс не рассматривает НПО и общественные движения как реальную силу, как сетевого актора, способного противостоять корпорациям и тем более регулировать бизнес. Для него общественные движения являются ответом снизу на разрушительные процессы, которые несет глобализация. При этом он прежде всего имеет в виду разрушение местной идентичности (Castels 1997: 72; 2009). Другая группа исследователей, к которой я отношу и себя, видит в глобальных общественных движениях мощную негосударственную силу, способную трансформировать международные практики и стандарты и создать новые транснациональные пространства и арены для принятий значимых решений (Warner 1996: 153; Khagam et al. 2000: 84–85; Khagam 2002: 3; Khagam et al. 2002: 20–23).

Для понимания многоуровневого процесса управления и роли общественных движений в нем я считаю необходимым обратиться к понятиям пространства места и транснационального пространства. Впервые термин пространства места в противопоставлении к пространству потока был введен Мануэлем Кастельсом, который понимает последнее как виртуальное пространство, созданное новыми технологиями. Вместо пространства потока я использую термин транснационального пространства и под ним подразумеваю пространство идей, информации и того, что я назвала «ядрами глобального дизайна». Понятие «ядра глобального дизайна» было введено мною для обозначения совокупности акторов в транснациональном пространстве, которое, взаимодействуя между собой, вырабатывает некий продукт («дизайн» в форме конвенции, соглашений, международных стандартов и пр.). Причем ядрами глобального дизайна я считаю не столько организацию — координатора (Евросоюз, ООН, Юнеско, офисы глобальных корпораций), сколько всю совокупность акторов, которые оказываются вовлеченными в разработку этих новых продуктов, а также и сам процесс выработки новых дискурсов, понятий, концепций в ходе взаимодействия акторов (Тысячнюк 2006: 118). Следует заметить, что ядро глобального дизайна действует как в форме действительных форумов, так

и в форме предварительного виртуального общения, при котором информация от локальностей передается в координационные центры различных сетей, а из них в само ядро. Здесь она аккумулируется, анализируется, перерабатывается и может перерасти в систему глобально действующих норм и правил.

В данной статье я буду анализировать то, как НПО и общественные движения пытаются воздействовать на ядра глобального дизайна с целью трансформации разрабатываемых ими практик и дизайнов.

Трансформация социологии общественных движений в связи с глобализацией

Теоретические концепции общественных движений, разработанные на уровне национального государства, концентрируются в трех основных парадигмах. Наиболее ранняя из них это парадигма коллективного поведения, которая объясняла массовые движения и революции. Согласно этой парадигме, общественное движение возникает только в условиях аномального функционирования общества и имеет целью его трансформацию. Эта школа не имеет отношения к предмету анализа и не будет рассматриваться в данной статье. Следующая парадигма, разработанная американской школой исследователей — парадигма коллективного действия, или мобилизации ресурсов. Она основывается на том, что общественные движения существуют в любом обществе и являются для него нормальным явлением. Участники движения являются рациональными акторами и мобилизуют ресурсы — финансовые, людские, информационные — для достижения своих целей. Третья парадигма принадлежит европейской школе и называется парадигмой новых общественных движений. Под ними понимаются движения среднего класса за постиндустриальные ценности: движение за чистоту окружающей среды, права сексуальных меньшинств, женские, пацифистские и др. (Здравомыслова 1992: 28). В конце 1990 — начале 2000 гг. многими исследователями были предприняты попытки сближения двух последних парадигм и их объединения. Это не привело к созданию новой общей парадигмы, но грань между ними стала размытой, произошло сближение школ. В настоящее время многие исследователи переключились на осмысление глобальных движений, при этом произошло и их сближение с политологическими исследованиями третьего сектора.

А. Парадигма мобилизации ресурсов

Теория коллективного действия исследует как экономические движения, так и ценностные (например, движение за права человека). Сторон-

ники теории считают, что успех движения зависит от того, насколько эффективно создаются, используются, и мобилизуются внешние и внутренние ресурсы. Под внутренними ресурсами теория понимает такие как управление организацией движения, инфраструктуру, лидерство, социальный капитал, волонтеры, финансы, оборудование и многое другое. Как внешние ресурсы теория рассматривает политическую систему страны с ее политическими партиями, соотношением секторов, уровнем либерализма и т.д. (McAdam et al. 2001; McCarthy, Zald 1977a; McCarthy, Zald 1977b: 1220–1222; Snow, Benford 1992; Tarrow 1994). В рамках этой теории родилась и концепция структуры политических возможностей, которые существуют в обществе и могут быть использованы общественными движениями в качестве инструментов для достижения целей движения (Oberschall 1973; Oberschall 1993; Tilly 1978: 83–85). Применительно к транснациональным общественным движениям концепция мобилизации ресурсов не теряет своего значения, но требует переосмысления. В частности, изменился характер структуры политических возможностей (Khagram, Riker, Sikkink 2002: 19).

С появлением транснациональных движений и усилением важности ядер глобального дизайна общественные движения могут использовать не только структуры политических возможностей отдельных стран, но и возможности, предоставляемые ядрами глобального дизайна. Внутренние возможности при переходе к сетевому обществу также расширились. Информационные технологии сегодня позволяют вовлечь в общественные движения гораздо большие ресурсы, чем это было до их появления. Ресурсы, мобилизованные на глобальном уровне, могут использоваться для изменения практик и норм как в отдельно взятой стране, так и в самом ядре глобального дизайна.

В. Новые общественные движения

Теория новых общественных движений рассматривает движения, концентрирующиеся в основном на постиндустриальных нематериальных ценностях: качестве жизни, жизненном стиле и т.д. — и не рассматривает рабочее движение, которое было в центре внимания предшествующих школ (Offe 1985: 817; Touraine 1988; Touraine 1981: 35–38). «Новые общественные движения» зародились в среде сформировавшегося среднего класса, уже достигшего определенного уровня материального благополучия и, как следствие, «переключившегося» с отстаивания материальных ценностей на нематериальные.

В теории новых общественных движений, как и в теории мобилизации ресурсов, большое значение имеет конструирование коллективной идентичности, отделение того, чем являемся «мы» от «они». Новые общественные движения рассматриваются как сетевые структуры, не иерархические

и обычно не имеющие единого лидера. Сама сеть, как правило, слабо институционализована, постоянно меняется, в ней одни организации появляются, другие исчезают (Melucci 1980: 200–203; Melucci 1981; Melucci 1984: 820–828).

В сегодняшних условиях в прошлом чисто ценностные движения — за права человека, чистоту окружающей среды и другие — меняют свой характер. В условиях глобализации движение за права человека постепенно превратилось в движение за «всеобщую справедливость» (global justice), включив в себя не только нормы ценностного характера, но и справедливое распределение материальных ценностей. Здесь тоже остается создание коллективной идентичности с «мы» противопоставленным «они», причем под «они» подразумеваются силы, продвигающие нео-либеральную модель экономики, а «мы» включает всех остальных людей, солидарных в отстаивании глобальной справедливости. При этом меняется и роль среднего класса, который, оставаясь основным организатором этих движений, теперь фактически отстаивает права рабочего класса как в развивающихся так и в своих странах, вовлекая рабочих в движение, устанавливая связи с профсоюзами. Таким образом, сети общественных движений расширяются, пересекаются с профсоюзными, с экологическими движениями стран и становятся «движениями движений» (Della Porta 2005a: 1–5; Della Porta 2006; Elliot, Freeman 2003: 2).

Общие характеристики транснациональных общественных движений

Несмотря на обилие самых разных транснациональных движений, все они имеют много общего: а) ориентированы в большей степени на нематериальные ценности (справедливость, права человека, качество жизни), чем на материальные; б) опираются на широкие массы, тем самым легитимизируя свою деятельность; в) широко используют международную солидарность; г) по своей структуре представляют собой сети, включающие в себя как институционализованные, так и не институционализованные формы и имеющие узлы для координации действий; д) как правило, роль лидеров и координаторов движения принадлежит среднему классу и НПО западных стран; е) финансовые и организационные ресурсы движений в большей степени мобилизуются в индустриально развитых странах, а людские ресурсы мобилизуются больше в развивающихся странах; ж) сочетают мобилизацию людей «виртуальную», с помощью интернет-технологий, с мобилизацией их на непосредственное участие в крупных акциях гражданского неповиновения; з) для них характерно широкое использование

средств массовой информации в целях информирования людей и привлечения внимания широкой общественности к проблеме; и) несмотря на частое использование радикальных стратегий и акций прямого действия, все эти движения по своей природе носят реформистский характер и не имеют своей целью революционного преобразования общества; л) несмотря на то что СМИ называют эти движения «антиглобалистскими», их подавляющее большинство выступает за альтернативную глобализацию и реформы неолиберальных глобальных институтов (исключением являются только радикальные группы анархистов) (Della Porta 2005б: 177; Della Porta 2006; Ghimire 2005: 2–8).

Мобилизация ресурсов является сложным процессом и для нее используются партнерства различного характера, в том числе с государством, частными фондами и прогрессивными бизнес-структурами. Например, Сетевой Институт Глобальной Демократизации, обеспечивающий участие развивающихся стран в глобальных кампаниях (саммитах), представляет собой сеть исследователей из Финляндии, Перу и Индии, которая финансируется финским министерством иностранных дел, рядом частных фондов и даже университетами (Ylä-Anttila 2003). И таких примеров можно привести очень много.

А. Фрейминг

В социологии общественных движений широко применяется теория фреймов. Под фреймом мы понимаем когнитивную систему, которая служит для организации и структурирования социальных смыслов, рождающихся в определенном контексте повседневного взаимодействия. Фреймы используются при коммуникации для побуждения других к тому, чтобы они отдали предпочтение одному значению по сравнению с другим. В своем репертуаре коллективных действий транснациональные общественные движения используют так называемые диагностические и прогностические фреймы. Диагностические фреймы используются для идентификации проблемы и формулирования обвинения. Прогностические — для выработки стратегии решения проблемы (Snow, Benford 1988: 198; Snow, Benford 1992: 135–150).

Во время массовых протестов, мобилирующих огромное количество общественных движений разного характера и разной степени радикальности, преобладает диагностический фрейминг, который позволяет избежать конфликтов между разными сетями и альянсами. Например, применяются такие общие лозунги, как «справедливая торговля»*, а не

* Под справедливой торговлей понимается такая торговля, когда в стоимость продукта включены справедливая оплата труда, социальное обеспечение рабочих и затраты на охрану окружающей среды.

«свободная торговля», или «Мобилизуемся против корпоративной глобализации» (Hughes 2004: 27).

НПО и другие участники движения также используют в качестве аргументов при фрейминге выработанные ими международные нормы, совокупность которых исследователи называют глобальной справедливостью. Например, приватизация и свободная торговля представляется ими не как естественное развитие глобальной экономики, а как корпоративная стратегия, разработанная транснациональными корпорациями и наднациональными экономическими институтами для собственной наживы. В этом ключе строительство дамб, которое финансировал Всемирный банк, во фрейминге позиционируется не как дополнительный источник электроэнергии, а как трагедия для локальных сообществ и бедных слоев населения, лишаящихся своих домов и привычного уклада жизни в обмен на крошечную компенсацию, недостаточную для обоснования на других территориях. Национальный долг во фрейме выглядит не как обязательство вернуть занятые деньги, а как фактор, способствующий отмене социальных программ и умножающий социальные проблемы (Khagam 2000: 87; McCully 2001).

Б. Структура сетей

В «движение движений за социальную справедливость» входит большое количество пересекающихся сетей, объединяющихся в кампании против определенной проблемы. Например, в кампаниях против политики ВТО, МВФ, Всемирного банка и G8 можно выделить несколько: за отмену долга в развивающихся странах, против международных правил торговли, против коррупции, за налоги с финансовых сделок, за справедливую торговлю, за мир. Однако эти кампании не концентрируются строго на одной проблеме. Например, участники кампании за изменение правил торговли и за введение налогов с финансовых операций также подписывали петиции и участвовали в кампаниях за отмену долга развивающихся стран, и наоборот.

Во время проведения крупных международных встреч (саммитов, конференций глав государств, мероприятий ВТО) большое количество сетей стекаются к месту встречи для проведения своих альтернативных мероприятий. Организаторами мероприятий чаще всего являются крупные НПО индустриально развитых стран, которые формируют координационные центры и привлекают к участию более мелкие группы и организации, составляющие периферию движения (Anheier, Hagai 2005: 207). Координационных центров, как правило, бывает несколько и часто они действуют независимо, вступая во взаимодействие друг с другом лишь на самом мероприятии. Часто это взаимодействие становится началом дальнейшего сотрудничества.

Взаимоотношение движений с ядрами глобального дизайна

Характер взаимоотношений движения с ядром глобального дизайна зависит от содержания тех практик, которые оно вырабатывает и от дальнейшего воздействия этих практик на локальности. Например, ядра, продвигающие неолиберальную экономическую модель развития общества, такие как ВТО, МВФ, Мировой экономический форум, отчасти Всемирный Банк, собрания Большой Восьмерки, провоцируют наибольшие протесты, поскольку продукт, вырабатываемый ими, по мнению участников движения, рождает новые виды социального неравенства, а также отрицательно сказывается на окружающей среде и благосостоянии беднейших слоев населения. Чем более закрыто ядро и чем менее оно доступно для переговоров с НПО и для общественного участия, тем более протестный характер носит движение. Наибольшие протесты вызывают мероприятия ВТО, традиционно проводящиеся за закрытыми дверями и затрагивающие интересы наиболее широких слоев населения (O'Brien, Goetz, Scholte, Williams 2000).

Ядра глобального дизайна, как правило, локально не закреплены, но «путешествуют» по всему миру, и это способствует тому, что в движении участвует все большее количество местных и региональных сетей, которые при иных условиях просто не имели бы возможности присоединиться к движениям. Будучи вовлечены в движение, эти местные и региональные сети выносят свои проблемы на глобальный уровень, таким образом, происходит глобализация локальных акторов (Batlivala 2004: 64–66). При этом сети-организаторы из индустриально развитых стран также получают возможность изучить локальные последствия политики, вырабатываемой наднациональными институтами, и эти новые знания помогают им при фрейминге и для мобилизации еще больших ресурсов. Фактически получается, что сами ядра дизайна, соприкасаясь с различными локальностями, создают благоприятные структуры политических возможностей для дальнейшего развития движения.

Следует отметить, что глобальные движения не только протестуют против неолиберальной политики ядер дизайна, но и разрабатывают альтернативные стратегии развития. По образу и подобию Мирового экономического форума, продвигающего неолиберальную модель экономики, были созданы Мировой и Европейский социальные форумы (Cassen 2004; Cocks 2004), которые с 2001 г. проводятся ежегодно. С 2006 г. Мировой форум стал проводиться во многих регионах, включая Латинскую Америку и Африку. Для подготовки к участию в Европейском и Мировом форумах отдельные страны также проводят свои национальные форумы. Так, например, в России в 2005 г. прошел первый форум для подготовки к саммиту Большой Восьмерки, а в 2006 г. — форум во время заседания большой восьмер-

ки. Социальные форумы, таким образом, также могут считаться альтернативными ядрами глобального дизайна, сверхзадачей которых является оказывать влияние на ядра дизайна, продвигающие неолиберальную модель.

Эволюция движения глобальной справедливости

Транснациональные движения начались с кампаний в защиту прав человека под эгидой чилийских активистов, эмигрировавших при режиме Пиночета в 1970-х гг. Чилийская диаспора за рубежом обратилась с просьбой оказать давление на диктатора к международным организациям, НПО и правительствам. Кампании созданной ими коалиции продолжались вплоть до ареста Пиночета в 1998 г. В глобальном масштабе это движение фактически переносило нормы и ценности, свойственные либеральным государствам, на другие страны (Khagram, Ricker, Sikkink 2002). Будучи одним из первых глобальных движений, оно пока еще обращалось к правительствам стран, а не к ядру глобального дизайна. Первой же кампанией, обращенной к ядру глобального дизайна, была кампания, в 1997 г., предотвратившая принятие Многостороннего соглашения об инвестициях*, подготовленное Организацией экономической кооперации и развития, являющейся координатором ядра глобального дизайна (OECD — Organization for Economic Co-operation and Development). Мобилизация для участия в движении проходила в виде кампаний в странах, потенциально готовых войти в соглашение, в ходе которых происходило давление на свои правительства с целью не допустить этого вхождения. Кампанию координировал Международный форум по глобализации. Результатом кампании было подписание общего Заявления от имени НПО разных стран (Laxer 2003: 177).

Одной из крупнейших была акция против ВТО как символа корпоративной глобализации в Сиетле в 1999 г. (Cockburn, Clair, Sekula 2000; Levi, Olson, 2000: 309—319). В ней участвовали уже три крупных сети движения. Сеть «За справедливую торговлю/Сеть оппозиции ВТО» (People for Fair Trade/Network Opposed to the WTO [PET/NO!/WTO]) занималась мобилизацией местных групп, предпочитающих акции непрямого действия и выступающих за глобальные права рабочих, права человека, более строгие экологические стандарты и всеобщую демократию. Во вторую сеть (Federation of American Labor Unions and King County Labor Council) входили

* Многостороннее соглашение об инвестициях предполагало свободные инвестиции иностранцев в любую страну при отсутствии демократического контроля со стороны национальных государств.

профсоюзы разных стран. Их организатором выступили профсоюзы США, и сеть объединила около двухсот международных профсоюзных организаций. Их основным требованием было соблюдение ВТО стандартов Международной Организации Труда. Третьим участником стала Сеть Акций прямого действия (Direct Action Network — DAN). Она координировала акции гражданского неповиновения без применения насилия в отношении людей, животных и оборудования и объединяла множество самых разных организаций. Среди прочих в эту сеть входила организация «Сеть спасения тропических лесов» (Rainforest Action Network), которая еще будет упоминаться. Эти три сети и их координационные центры составляли ядро акции протеста. На периферии находились привлеченные организации. Обособленным от сложившихся сетей участником акции протеста в Сиекле был так называемый «Черный блок» — сеть анархических организаций (Hughes 2004: 39), признававших возможным применение насилия в отношении оборудования и допускавших противодействие полиции. Так как участие Черного блока могло скомпрометировать движение, остальные участники старались доступными средствами отмежеваться от него, не приглашая его на свои встречи и прочие мероприятия. Тем не менее действия Черного блока не прошли незамеченными, так как именно радикальные акции (столкновения, битье окон и пр.) обычно привлекают внимание СМИ. И, несмотря на то что радикалы составляли не более 5–8 % от общего количества участников, эпитет «антиглобалисты» прочно прилепился к движению. Связи между сетями, возникшие во время проведения этой акции протеста, использовались и в дальнейшем при организации других акций протеста.

После акции в Сиекле глобальный протест против неолиберальной модели капитализма стал признанным на международной арене, и исследователи стали говорить о глобальном гражданском обществе, противостоящем вашигтонскому консенсусу (Heartfield 2004: 86). Протесты против переговорного процесса ВТО стали регулярными и прошли в 2001 г. в Катаре, в 2003 г. в Канкуне и в 2005 г. в Гонконге, собирая все большее количество участников. Мобилизационный потенциал акции в Сиекле используется с тех пор также и при встречах Большой Восьмерки, Всемирного экономического форума и переговоров МВФ. При проведении акций в различных регионах общая структура сетей в движении остается прежней, включая центральные координационные советы и периферических участников, но при этом на роль одного из координационных центров обычно выдвигается региональная или местная сеть. Сами акции становятся более организованными и продуманными.

Например, в Генуе в 2001 г. во время встречи Большой Восьмерки одним из координаторов выступила итальянская организация Рете Лилипут (Rete Liliput). Она занималась вопросами организации кампании за отмену

долга, за реформу мирового банка и справедливую торговлю. Другой ключевой сетью в акции была Ассоциация в поддержку введения налога Джеймса Тобина* (Association for a Tobin Tax to Assist the Citizen — АТТАС) (Ancelovici 2002: 427–430; Andretta, Mosca 2004: 43–46). Эта сеть отличалась от других тем, что ее возглавляли ученые из Аргентины, Австралии, Бразилии, Чили, Японии, Марокко и других стран. Сеть проводила акции прямого действия, ориентированные на средства массовой информации. Третьим координатором была сеть за глобальные права (Network for Global Rights), допускавшая насилие в отношении символических знаков ВТО. Так же как и в Сиетле, здесь участвовал Черный блок, действующий еще более радикально и позволяющий насилие в отношении зданий и оборудования. Здесь вновь Черный блок не был допущен в центр движения. И поскольку в Женеве присутствовало большее количество радикальных организаций, город поделили географически на районы, в каждом из которых действовали определенные альянсы и сети. Интересно отметить, что в Женеве протест был сформулирован не только против неолиберальной формы глобализации, но и против итальянского правоцентристского правительства Сильвио Берлускони и против постфашистской партии (Della Porta, Andretta, Mosca, Reiter 2006). Последнее позволило мобилизовать большое количество местных организаций и групп, тем самым включив их в международные сети. Исследователи называют этот процесс «глобализацией снизу», и использование глобальной арены для привлечения внимания мировой общественности к локальным проблемам становится все более характерным (Elliot, Freeman 2003; Pianta, Silva 2003: 5).

Движение за глобальную справедливость с годами эволюционировало само и добилось большей открытости некоторых ядер дизайна, продвигаясь тем самым от протестных форм ко все более частому диалогу. Например, Всемирный банк в результате предшествующих кампаний против него в настоящее время стал более открытым и рефлексивным (Nelson 2004: 117–118). Это позволяет транснациональным движениям использовать большой репертуар коллективных действий и тактик, таких, например, как лоббирование и переговоры. Во время ранних кампаний, предпринимаемых в отношении Всемирного банка, сети НПО пытались донести до транснациональных пространств локальные проблемы, возникающие вследствие политики Всемирного банка. Они «давили» на Всемирный банк через Конгресс США, прося его не финансировать проекты, нарушающие права коренных народов развивающихся стран. Они также требовали большей открытости и доступа к информации о проектах и прочей деятельности Всемирного банка. При этом на сторону НПО встали агентства по

* Джеймс Тобин, американский экономист, предложивший ввести налог на финансовые трансакции.

охране окружающей среды и USAID (Bowles, Kormos 1995: 835). Многочисленные транснациональные сети следили за деятельностью банка и специализировались по направлениям его деятельности: шахтам, лесам, дамбам, гендерным проблемам, долгу (Selverston-Scer 2000; Keck, Sikkink 1998).

Отдельная сеть занималась вопросами открытости банка, проводя мониторинг его информационных центров в Вашингтоне и Лондоне. С годами Всемирный банк становился все более открытым, и стало возможным сотрудничество НПО с его менеджерами и работниками и общественное участие в реализации финансируемых им проектах в локальностях (Miller-Adams 1999). В результате Всемирный банк не только допускает общественное участие в деятельности, но и сам финансирует участие населения в проектах и принятии решений на местах и межсекторальный диалог.

Проблема отмены долга развивающихся стран также поначалу решалась с помощью кампаний против Всемирного банка. Сегодня НПО сформировали альянс с организациями ООН, правительствами и учеными для решения этого вопроса.

Таким образом, процесс взаимодействия НПО и ядер глобального дизайна идет от внешнего давления к открытию ядра и «проникновению НПО внутрь» его. При этом создаются межсекторальные партнерства, устанавливается их конструктивный диалог, меняется само ядро и его функции, и в конечном итоге, снижается трение между дизайном, исходящим из ядра и требованиями, сформулированными в локальностях.

Однако эта общая тенденция пока еще не всегда действует, и в случаях неудачного диалога НПО продолжают протестные действия. Так, в результате Уругвайского раунда переговоров в 1986–1995 гг., которые завершились созданием ВТО, были введены достаточно высокие стандарты к безопасности продаваемого продукта. При этом требования НПО и их сетей ввести стандарты к процессу создания продукта не были удовлетворены. Таким образом, получалось, что, если продукт произведен с использованием детского труда или связан с нанесением ущерба окружающей среде, он, тем не менее, мог продаваться на международных рынках. Поскольку НПО и их сетям не удалось решить эту проблему на уровне ВТО, они решают ее через кампании, обращенные уже к корпорациям и их потребителям.

Рыночные кампании

В предыдущих главах речь шла о ядрах глобального дизайна, в которых основная роль принадлежала государственным акторам, а НПО либо протестовали против их деятельности, либо создавали альтернативные решения проблемы. Однако в последнее время возрастает роль негосударствен-

ных акторов в управлении. На практике это проявляется в форме прямого взаимодействия сетей НПО с сетевыми структурами транснациональных корпораций (Conroy 2001: 2; O'Rourke, Connolly 2003a: 578–588; O'Rourke 2003a; O'Rourke 2005: 117–119; Тысячнюк 2008; Tysiachniouk 2009).

Как я уже упоминала, последние также можно считать ядрами глобального дизайнера, поскольку они действуют в транснациональных пространствах и разрабатывают международные нормы и практики, которые впоследствии применяются в различных локальностях в мире. В данном случае ядрами дизайнера являются центры принятия решений крупнейших в отрасли корпораций, куда входят основные держатели акций, а также группы интересов, включающие среди прочих сети НПО. При этом последние не принадлежат к числу лиц, принимающих решения. Их взаимоотношения с корпорациями строятся примерно так же, как и с ядрами глобального дизайнера, участвующими в разработке неолиберальной модели экономики: в форме кампаний протестного характера, лоббирования интересов тех слоев населения, которые страдают от применения их практик на местах. Претензии сетей гражданского общества остаются во многом схожими с рассмотренными ранее, так как корпорации также в основном реализуют неолиберальную модель экономического развития, тем самым создавая социальное неравенство, нарушая права коренных народов, используя потогонные системы и детский труд в развивающихся странах, нанося вред окружающей среде. Так же как и в случае с другими ядрами глобального дизайнера, в кампаниях против бизнес-корпораций очень важно привлечь внимание средств массовой информации. СМИ используются как один из путей воздействия как на потребителя, так и на корпорации (O'Rourke 2005: 118–119).

Кампании, которые организуют НПО, называются «рыночными кампаниями», потому что они используют рыночные механизмы, мобилизуя покупателей на потребительские бойкоты или, в последнее время, просто создавая угрозу таких бойкотов (O'Rourke 2005: 119). Несмотря на вышеперечисленные сходства, кампании против практик корпораций отличаются по своему характеру и организации от рассматриваемых ранее. Во многом это диктуется условиями взаимодействия с бизнесом и потребителями.

А. Давление на бренд

Так как НПО не имеют возможности и ресурсов действовать на весь бизнес в целом, они вынуждены очень тщательно выбирать «жертву» для оказания давления, чтобы достичь наибольшего эффекта. Обычно НПО выбирают для критики не обязательно худшую корпорацию, а чаще лидера в отрасли, который в большей степени дорожит своим имиджем. Как известно, на создание имиджа и «раскручивание» бренда тратятся огромные средства, и крах имиджа (бренда) нанес бы большой ущерб фирме. Потре-

бительские бойкоты включали обвинительные нападки на хорошо известный бренд, которые принято было называть «бомбардировкой бренда» (Conroy 2001: 14; Klein 1999; O'Rourke 2005: 119). Поскольку в целом в обществе НПО и общественные движения вызывают большее доверие и являются более легитимными акторами, чем корпорации, широкие массы населения легко реагируют на выдвинутые ими негативные характеристики и антирекламу. НПО требуется гораздо меньше средств на борьбу с брендом, чем корпорации на его создание, что объясняет уязвимость последней в такой борьбе (O'Rourke 2005: 119). В ранних кампаниях часто применялись акции прямого действия с плакатами, порочащими корпорацию, у магазинов розничной торговли. При этом страдал не только имидж корпорации, против которой была направлена акция, но и имидж самого магазина, поэтому сетевые магазины, также являющиеся мощными корпорациями, боясь за свой имидж, порой отказывались от опороченного продукта и партнерства с опороченной фирмой. В более поздних акциях НПО уже было достаточно просто пригрозить корпорации бойкотом, объяснить ей, что она может потерять не только конечного потребителя, но и перекупщиков, занимающихся розничной торговлей, для того чтобы сесть с ней за стол переговоров и за ним добиваться изменения ее практик. При этом, действуя на одну фирму, НПО добивались эффекта от многих других крупных фирм, также боящихся потерять свой имидж (O'Rourke 2005: 125). Правда, этот процесс тоже требовал от НПО многих усилий и занимал значительное время, порой до нескольких лет.

При организации рыночных кампаний используется целый ряд и других тактик. Бойкотам подвергались не только корпорации и розничные магазины, но и их инвесторы. В последние годы воздействие через инвестиционные банки было признано очень эффективным. Таким бойкотам подвергались и Сити Групп, и Банк Америки, и многие другие, в тех случаях, когда они инвестировали средства в корпорации с низкой социальной и экологической ответственностью. Также для большей эффективности своих действий, НПО очень подробно изучают всю цепочку поставок: продвижение продукта от производителя до конечного потребителя. Исследуются институциональные покупатели, такие, как государственные закупщики, университеты. Исследуются магазины розничной торговли на предмет чувствительности к потере имиджа. Подробно изучаются практики производства в отдельных локальностях для более стратегически эффективного фрейминга. Все эти исследования необходимы НПО для тщательного планирования и продуманной организации их акций, а также для аргументированного диалога с корпорациями, будь он в форме переговоров, требований или угроз бойкотов.

При этом очень важна сетевая организация этих кампаний и их «информационное управление», подразумевающее постоянную координацию

не только действий, но и информации, тщательно собирающейся по сетям со всех локальностей и стягивающейся к транснациональному пространству. В кампании против Nike новая информация ежедневно распространялась среди таких организаций, как «Глобальный обмен» (Global Exchange, одна из ключевых организации на саммитах), «Мониторинг потогонных систем» (Fair Labor Association), «Оксфарм» (Oxfarm, благотворительная организация, занимается перераспределением вещей «секонд хэнд» и вырученные деньги направляет на программы по борьбе с бедностью), «Национальный комитет США по труду», и среди массы других организаций, сетей, групп. Такой обмен информацией способствовал мобилизации не только тех организаций, которые непосредственно занимались потребительскими кампаниями, но и тысяч других, близких по духу (O'Rourke 2003a: 620–628).

Б. Воздействие на потребителей

Было бы ошибочно считать, что рыночные кампании рассчитаны только на производителей. Задача изменения практик бизнеса, стоящая перед НПО на ранних этапах борьбы, являлась очень трудоемкой, поскольку они могли требовать только добровольных решений и практик от корпораций, не закрепленных законодательно. Чтобы поддерживать при этом «добрую волю» корпораций, им приходилось постоянно работать с потребителями, мобилизуя их на коллективные действия в поддержку своих решений. Поэтому их действия одновременно направлены и на производителей, и на потребителей продуктов: в ходе кампании производители подвергаются давлению, а потребители получают информацию о том, как их потребительские практики могут влиять на производителя и на практики бизнеса (O'Rourke 2005: 118–119).

Опросы общественного мнения показали, что теоретически потребители не любят покупать продукты, «запятнанные» использованием потогонных систем, детского труда или нанесением вреда окружающей среде. Однако на практике обыватель обычно не утруждает себя чтением этикеток и сопутствующих сертификатов, чтобы выбрать наименее вредный продукт. Из 60 % ответивших на опрос только 5 % читают эти материалы и являются ответственными потребителями (O'Rourke 2005: 117). Другие исследования показали, что потребители действительно массово реагируют на поступающую негативную информацию о какой-то конкретной корпорации. Так, около 50 % опрошенных участвовали в тех или иных потребительских бойкотах в Великобритании и Северной Америке. Получается, что негативная информация сильнее действует на потребителя, чем информация о «хороших» продуктах (Elliot, Freeman 2003). Согласно исследованиям, после участия в бойкотах потребители уже внимательнее относятся к тому, что именно они покупают (O'Rourke 2005). Таким образом,

НПО и их сети политизируют сферу частного потребления. Покупка становится не обычным средством удовлетворения потребностей и желаний покупателя, а политическим актом и способом высказать свое мнение и повлиять на будущие практики корпорации.

В ходе мобилизации потребителей как ресурса движения чрезвычайно важным является фрейминг, эволюцию подходов к которому здесь уместно проиллюстрировать. На ранних этапах кампании имели очень общий характер и часто использовали метод «расширения фрейма» для более широкого вовлечения населения в проблему. Также рыночные кампании сочетали с обращениями к правительствам и судам. Например, в конце 1980-х гг. Гринпис стоял во главе кампаний против Макдональдса, которому в целях расширения фрейма инкриминировали даже такие социальные и экологические проблемы, которые, на первый взгляд, трудно было связать с его деятельностью. К примеру, корпорацию обвиняли в том, что в Латинской Америке уничтожается громадное количество тропических лесов, чтобы освободить земли под пастбища, на которых будут выращиваться коровы, из которых будут делаться гамбургеры в Макдональдсе. Или наряду с обвинениями в нанесении вреда здоровью населения, особенно детского, жирными продуктами, в использовании одноразовой посуды, которая не может подвергаться вторичной переработке, и другими выдвигались далеко не столь очевидные претензии в том, что деятельность Макдональдса усугубляет бедность в развивающихся странах, так как крестьян сгоняют с их земель, чтобы освободить пространства для животноводческих фирм Макдональдса. Наряду с пикетами у 500 магазинов, организованными Гринпис, движение обратилось в суд с вышеперечисленными обвинениями. В результате в Лондонском суде из всех обвинений было признано только то, что употребление продуктов Макдональдса повышает риск сосудистых заболеваний. Результатом же пикетов был большой отклик со стороны матерей, которым навязчивая реклама фирмы мешает наладить здоровое питание своих детей (Klein 1999). В результате многолетних кампаний против Макдональдса корпорация под их давлением изменила упаковку на более экологически дружелюбную и стала использовать жиры с низким содержанием холестерина. Движения же на основе собственного опыта и проведенных исследований пришли к выводу, что более эффективно использовать те фреймы, которые «бьют» именно по наиболее слабым позициям корпорации. Правда, это не исключило полностью и применение ими метода «расширения фрейма».

Одной из форм фрейминга является создание собственных брендов НПО и продвижение их на новые социально сконструированные рынки. Бренды НПО создают альтернативу выбора для потребителя и поддерживают те компании, которые уже встали на путь социальной и экологической ответственности. Известны, например, такие бренды, как «справед-

ливая торговля кофе» или «справедливая торговля бананами», подразумевающие, что при выращивании и сборе этих продуктов не нарушались права местных сообществ, не использовался детский труд, оплата труда была справедливой и соблюдались нормы безопасности труда. Под брендом «натуральные продукты» (organic) понимают продукты, выращенные без использования пестицидов, инсектицидов, не разрушающие окружающую среду. В текстильной промышленности существует бренд «без использования потогонных систем» (sweat-free). Работа НПО и общественных движений начинается с лидеров отрасли, от которых требуют контроля за всеми поставщиками и партнерами, что позволяет распространить изменения на более мелкие фирмы (O'Rourke 2005: 125). Так движения надеются постепенно сделать альтернативный рынок ведущим. На сегодняшний день он занимает не более 2–5 % от общего рынка (в зависимости от отрасли), правда, при высоких темпах роста.

С. Стандартизация как альтернативный метод регулирования

Параллельно с протестными акциями НПО прорабатывают возможные пути решения проблем, с тем чтобы направить кампанию к изменению практик на более социально и экологически дружелюбные. К таким путям относится разработка и введение стандартов функционирования корпорации в форме этических кодексов или сертификационных систем. В эти кодексы и системы вносятся нормы и правила, обеспечивающие социально и экологически ответственное производство продуктов и принципы отслеживания их выполнения (O'Rourke 2005). Разработка стандартов осуществляется самими корпорациями под давлением и с участием НПО, а часто и при взаимодействии с государственными агентствами, так как необходимо, чтобы новые нормы не противоречили национальным государственным законам. На более поздних этапах, когда стандарты уже введены, НПО активно сотрудничают с фирмами, вставшими на путь применения экологически и социально ответственных практик. Их участие очень важно, так как они прокладывают путь новому продукту, в цену которого входит стоимость справедливой оплаты труда производителей и мероприятий по охране окружающей среды. Фактически эти корпорации конструируют новые рыночные ниши. Вместе с участием в разработке стандартов НПО формируют и механизмы мониторинга и принуждения к выполнению норм и правил, так как без последнего все изменения в фирме сводились бы к показательным акциям и декларациям, не затрагивающим сути того, что требуется изменить. Создаются даже специальные организации мониторинга, контролирующие выполнение стандартов, заложенных в этических кодексах. Такими организациями, к примеру, являются Ассоциация справедливой труда (Fair Labor Association), Фонд справедливой производства одежды (Fair Wear Association), а также организации по правам

человека, например, Консорциум прав рабочих (Consortium for Workers Rights) (O'Rourke 2005: 122; Auld et al. 2009).

Этические кодексы используются корпорациями в таких отраслях, как нефтедобывающая, текстильная, ресурсодобывающая. В других отраслях: рыбной, туристической, лесной — применяются сертификационные системы. К примеру, в лесной отрасли на сегодня действует несколько систем сертификации лесов. Наиболее строгой является система сертификации Лесного Попечительского Совета, продвигаемая НПО. Поначалу лесные компании, не желающие подчиняться этим строгим системам, создавали собственные сертификационные системы. Однако в ходе рыночной конкуренции произошло некоторое усреднение стандартов с тенденцией ко все большему их устрожению. Сертификационная система Лесного Попечительского Совета, однако, остается по-прежнему наиболее строгой благодаря тому, что предполагает контроль третьей стороны, а именно — со стороны бизнес-структур, аккредитованных НПО (Bernstein, Cashore 2004: 33; Cashore 2002: 508).

Системы сертификации были рождены вследствие многолетних потребительских бойкотов в 1990—2000 гг. Показателен ход развития процесса продвижения от бойкотов к созданию сертификационных систем. Процесс начался с кампаний против разрушения лесов Амазонки. Древесина из этих лесов поступала в индустриально развитые страны, где стали организовываться потребительские бойкоты, преимущественно экологическими организациями, такими как «Сеть защиты тропических лесов» (Rainforest Action Network), «Лесная этика» и «Гринпис». В своем фрейминге они использовали также лозунги в защиту прав местного населения. Движение бойкотировало сами компании-производители, магазины, торгующие их продукцией, инвестиционные компании и банки, вкладывающие средства в этот бизнес, крупные издательские дома, покупающие бумагу из этой древесины. Вслед за этим сети НПО начали организовывать кампании в защиту бореальных лесов Европы, и движение распространилось по всему миру. Одним из побочных эффектов бойкотов явилось то, что во многих локальностях фирмы уходили, оставляя местное население без работы, т.е. достигнутый результат наносил вред местному населению, хотя при этом сохранялись леса. Это и побудило НПО и их сети сконцентрировать свое внимание на развитии сертификационных систем, которые бы гарантировали не только сохранение природы, но и включали социальные компоненты (Cashore 2002: 507). Однако и сегодня сертификационные стандарты эффективно работают лишь при постоянной поддержке их акциями со стороны общественных движений. Угроза потребительских бойкотов является наиболее мощным стимулом для корпорации, побуждающим их использовать сертификацию и продолжать идти этим путем (так как сертификат должен возобновляться с определенной периодичностью). В ходе

этой работы сложилось интересное «распределение обязанностей» среди сетей НПО. Одни организации занимаются потребительскими бойкотами и прочими акциями прямого действия. Другие участвуют в разработке стандартов, сертификационных систем, мониторинге и вступают в близкие партнерские отношения со структурами экологически ответственного бизнеса, который ранее мог даже подвергаться бойкотам. Так, например, сеть Всемирного Фонда Дикой Природы (World Wildlife Fund — WWF) является основным актором, продвигающим лесную сертификацию по всему миру, и создает партнерства с бизнесом (Иkea, Home Depot), привлекая для финансирования мероприятий, связанных с ней, ресурсы Всемирного банка. Важно отметить, что Лесной попечительский совет вкупе со всеми группами интересов: бизнесом, вставшим на путь сертификации, национальными рабочими группами, разрабатывающими стандарты с привлечением социальных, социологических и экологических групп, и другими — стал одним из ядер глобального дизайна, разрабатывающим глобальные практики, которые реализуются в локальностях по всему миру. На данный момент процесс стандартизации вылился в создание полноценного ядра глобального дизайна только в лесной отрасли. В других областях (пищевой, нефтяной, добывающей, текстильной, туристической) движение идет в этом же направлении, но оно пока еще не достигло таких результатов, как в лесной.

Заключение

Анализ показал, что между общественным движением и действиями акторов третьего сектора (НПО) нет резкой грани. Традиционно в социологии общественных движений к последнему относили такие коллективные действия, которые мобилизуют большое количество людей, формирует солидарность широких масс. А те организации, которые занимаются помощью бедным, социальными программами, строят партнерства с государством или бизнесом, не относились исследователями к общественным движениями. Это отразилось на академическом сообществе, которое разделилось на исследователей третьего сектора, или гражданского общества, и на исследователей общественных движений. В моем анализе я показала, что одни и те же организации в одних ситуациях могут играть роль движения, мобилизующего население на акции прямого действия, потребительские бойкоты и пр., в других — НПО, разрабатывающих в транснациональных пространствах и реализующих в жизнь альтернативные решения, способствующие устойчивому развитию в локальностях по всему миру. Я считаю, неправомерно одни и те же организации относить то к одной, то к другой категории и применять к ним разные теории и термины. Думаю,

в дальнейших исследованиях глобального гражданского общества трансдисциплинарный подход к проблемам был бы более эффективен и адекватен для объяснения социальной реальности.

Традиционно считалось, что регулирующие функции в мире принадлежат государствам через их национальные законы или международные соглашения. Мой анализ формирующихся новых ядер глобального дизайна, где преимущественно негосударственными акторами создаются новые правила, стандарты и нормы для реализации в локальностях по всему миру, показал, что эти ядра дизайна выполняют регулирующую функцию, хотя в них роль государства не является ведущей. Гражданское общество фактически становится создателем правил, действующих в ранге глобальных законов. Тем самым оно в какой-то мере восполняет отсутствие всемирных наднациональных законодательных систем. Я считаю целесообразным развивать исследования именно в направлении, которое бы выявляло и объясняло эти новые отношения между бизнесом, гражданским обществом и государством, в которых государства понемногу уступают свою регулирующую роль акторам других секторов.

В статье я показала, как НПО и их сети действуют от локальностей к транснациональным пространствам и ядрам глобального дизайна, и не рассматривала, как они работают внутри ядер глобального дизайна и вновь транслируют разработанные практики к локальностям. Я предполагаю, что по мере развития рассмотренных процессов все большее число ядер глобального дизайна, продвигающих неолиберальную модель экономического развития, под воздействием общественных движений станут эволюционировать в сторону большей открытости и разработки концепций устойчивого развития. Это будет способствовать тому, что общественные движения от протестных акций и бойкотов все более начнут переходить на путь переговоров и сотрудничества с ядрами дизайна, играя роль со-дизайнеров. По всей видимости, начнут создаваться новые арены принятия решений, которые объединят пространства места и транснациональные пространства на постоянной основе. Благодаря все большему развитию коммуникационных и информационных технологий наладится быстрая обратная связь от локальностей к транснациональным пространствам и будут преодолены трения, которые обычно возникают, когда решения в транснациональных пространствах принимаются без понимания сути проблем, существующих в локальностях. При этом регулирующая роль гражданского общества в этих процессах будет возрастать. Я показала эту тенденцию на примере лесной сертификации и формирования альтернативных ядер глобального дизайна.

Литература

Здравомыслова Е.Ф. Парадигмы и модели социологии общественных движений // Концептуальные модели исследования. 1989—1990. М., 1992. С. 28—42.

Новые подходы к анализу трансграничных общественных движений...

Тысячинок М.С. НГО между глобализацией и локализацией: Роль глобальных процессов в мобилизации общественного участия в лесных поселках // Журнал социологии и социальной антропологии. Специальный выпуск. Негосударственные механизмы управления в глобальном обществе. 2006. Т. IX. С. 113–148.

Тысячинок М.С. Негосударственные механизмы регулирования транснациональных корпораций: анализ рыночных кампаний // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. № 3. С. 111–128.

Auld G., Balboa C., Bernstein S. and Cashore B. The emergence of non-state market-driven (NSMD) global environmental governance: a cross-sectoral assessment // King A., Toffel M.W. Governance for the Environment: New Perspectives. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. P. 183–215.

Ancelet M. Organizing against globalization: the case of ATTAC in France // Politics and Society. 2002. Vol. 30. N 3. P. 427–463.

Andretta M., Mosca L. Understanding the Genoa Protest // Creating a better world, interpreting global civil society / Ed. by R. Taylor. Bloomfield: Kumarian press, 2004. P. 43–63.

Anheier H., Hagai. Network Approaches to Global Civil Society // Global Civil Society 2004/5 Yearbook / Ed. H. Anheier, M. Glasius, M. Kaldor, F. Holland. London: Sage Publications, 2005. P. 206–221.

Batlivala S. Grassroots movements as transnational actors: implications for global civil society // Creating a better world, interpreting global civil society / Ed. by R. Taylor. Bloomfield: Kumarian press, 2004. P. 64–81.

Bernstein S., Cashore B. Non-state global governance: is forest certification a legitimate alternative to a global forest convention? // Hard Choices, Soft Law Combining Trade, Environment, and Social Cohesion in Global Governance / Ed. J. Kirton, M. Trebilcock. London: Ashgate Press, 2004. P. 33–63.

Bowles I., Kormos C. Environmental reform at the World Bank: The role of the US Congress // Virginia Journal of International Law. 1995. Vol. 35. N 4. P. 777–839.

Cashore B. Legitimacy and privatization of environmental governance: how non-state market-driven governance (NSMD) systems gain role-making authority // Governance: International Journal of Policy, Administration, and Institutions. 2002. Vol. 15. N 4, October. P. 503–529.

Castels M. The Information Age, The Power of Identity. Oxford: Blackwell, 1997.

Castels M. Communication power. Oxford; New York: Oxford University Press, 2009.

Cassen B. Repenser les forums sociaux, Liberation, 12 January. Cited in: Ghimire, Kleber 2005. The Contemporary Global Social Movements. Emergent proposals, connectivity and development implications. Civil Society and Social Movements Programme Paper Number 19, 2004. United Nations Research Institute for Social Development (available on line).

Cock J. The world social forum and new forms of social activism // Creating a better World, interpreting global civil society / Ed. by R. Taylor. Bloomfield: Kumarian press, 2004. P. 170–183.

Cockburn A., Clair J.St., Sekula A. Five Days That Shook the World: Seattle and Beyond. L.: Verso, 2000.

Conroy M. Can advocacy-led certification systems transform global corporate practices? Evidence and some theory // Political Economy Research Institute. University of Massachusetts. Working Paper Series. 2001. N 21, P. 1–25.

Della Porta D. The Social Basis of the Global Justice Movement. Some theoretical reflections and empirical evidence from the first European Social Forum // *Civil Society and Social Movements Programme Paper*. United Nations Research Institute for Social Development. 2005a. N 21. (available on line).

Della Porta D. Multiple belongings, tolerant identities, and the construction of another politics: Between the European Social Forum and the Local Social Fora // *D. della Porta, S. Tarrow (eds.)*. *Transnational Movements and Global Activists*. Rowman and Littlefield. Lanham, 2005b. P. 175–202.

Della Porta D, Andretta M., Mosca L., Reiter H. Globalization from below: transnational activists and protest networks // *Social Movements, Protest, and Contention Series*. 2006. Vol. 26.

Elliot K., Freeman R. Can Labor Standards improve under globalization? Washington, DC: Institute for International Economics, 2003.

Ghimire K. The Contemporary Global Social Movements. Emergent proposals, connectivity and development implications // *Civil Society and Social Movements Programme Paper*. United Nations Research Institute for Social Development. 2005 N 19. P. 1–24 (available on line).

Heartfield J. Contextualizing the “anti-capitalism” movement in global civil society // *G. Baker, D. Chandler (eds.)*. *Global Civil Society*. L.: Routledge, 2004. P. 85–99.

Keck M., Sikkink K. *Activists beyond borders: advocacy networks in international politics*. Ithaca; N.Y.: Cornell University Press, 1998.

Khagram S. Toward democratic governance for sustainable development: Transnational civil society organizing around big dams. 2000. P. 84–114.

Khagram S., Ricker J.V., Sikkink K. (eds.). *Restructuring world politics: Transnational Social Movements, Networks and Norms*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2002.

Khagram S., Riker J., Sikkink K. From Santiago to Seattle: Transnational Advocacy Groups Restructuring World Politics // *Restructuring World Politics: Transnational Social Movements, Networks and Norms / Ed. S. Khagram, J. Riker, K. Sikkink*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2002. P. 3–23.

Klein N. *No Logo: taking Aim at the Brand Bullies*. N.Y.: Picador Press, 1999.

Laxer G. The defeat of the Multilateral Agreement on Investment: national movements confront globalism // *Global civil society and its limits / Ed. G. Laxer, S. Halperin*. Palgrave: Macmillian; N.Y., 2003. P. 169–187.

Levi M., Olson D. The battles in Seattle // *Politics and Society*. 2000. Vol. 28. N 3. P. 309–329.

McAdam D. *Culture and Social Movements // New Social Movements: From Ideology to Identity / Eds. E. Larana, H. Johnston, J. Gusfield*. Philadelphia, PA: Temple University Press, 1994. P. 36–57.

McAdam D., Tarrow S.G., Tilly Ch. *Dynamics of Contention*. N.Y.: Cambridge University Press, 2001.

McCarthy J.D., Zald M.N. (eds.). *The Dynamics of Social Movements*. MA: Winthrop Publishers, 1977a.

McCarthy J.D., Zald M.N. Resource Mobilization and Social Movements: A Partial Theory // *American Journal of Sociology*. 1977b. Vol. 82 (May). P. 1212–1239.

McCully P. *Silenced Rivers: the ecology and politics of large dams*. L.: Zed Books, 2001.

Новые подходы к анализу трансграничных общественных движений...

Melucci A. Nomads of the Present: Social Movements and Individual Needs in Contemporary Society, Philadelphia: Temple University Press, 1989.

Melucci A. An End to Social Movements? // Social Science Information. 1984. Vol. 23. N 4–5. P. 819–835.

Melucci A. The New Social Movements: a Theoretical Approach // Social Science Information. 1980. Vol. 19. N 2. P. 199–226.

Mittelman J.H. The Globalization Syndrome: Transformation and Resistance. Princeton; New Jersey: Princeton University Press, 2000.

Hughes G. The Seattle WTO protests: Building a Global Movement // Creating a better world, interpreting global civil society / Ed. by R. Taylor. Bloomfield: Kumarian press, 2004. P. 27–42.

Miller-Adams M. The World Bank: New Agendas in a changing world. L.: Routledge, 1999.

Nelson P. New agendas and new patterns of international NGO political action // Creating a better world, interpreting global civil society / Ed by R. Taylor. Bloomfield: Kumarian press, 2004. P. 116–132.

O'Brien R., Goetz A.M., Scholte J.A., Williams M. Contesting global governance: multilateral economic institutions and global social movements. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

Oberschall A. Social Conflict and Social Movements. Engelwood Cliffs. NJ; Prentice-Hall, 1973.

Oberschall A. Social Movements: Ideologies, Interests, and Identities: New Brunswick; NJ: Transaction Books, 1993.

Offe C. New Social Movements: Changing boundaries of the political // Social Research. 1985. Vol. 52. P. 817–868.

O'Rourke D., Connolly S. Just Oil? The Distribution of Environmental and Social Impacts of Oil Production and Consumption // Annual Review of Environmental Resources. 2003a. Vol. 28. P. 587–617.

O'Rourke D. Outsourcing Regulation: Analyzing Nongovernmental Systems of Labor Standards and Monitoring // The Policy Studies Journal. 2003b. Vol. 31. N 1. P. 1–31.

O'Rourke D. Market Movements. Nongovernmental Organization Strategies to Influence Global Production and Consumption // Journal of Industrial Ecology. 2005. Vol. 9. N 1–2. P. 115–128.

Pianta M., Silva F. Globalisers from below: A survey on global civil society organizations. GLOBI Research Report. Globi, Rome. Cited in: Ghimire, Kleber 2005. The Contemporary Global Social Movements. Emergent proposals, connectivity and development implications // Civil Society and Social Movements Programme Paper. United Nations Research Institute for Social Development. 2003. N 19 (available online).

Silverston-Scer M. Building international civil society: Lessons from the Amazon Coalition. Paper presented at the conference entitled «Human Rights and Globalization: When transnational civil society networks Hit the Ground». University of California Santa Cruz, December 1–2, 2000 (available online).

Snow D., Benford R.D. Ideology, Frame Resonance, and Participant Mobilization // International Social Movement Research. 1988. Vol. 1. P. 197–217.

Snow D.A., Benford R.D. Master Frames and Cycles of Protest // Frontiers of Social Movement Theory / Eds. A. Morris, C. McClug Mueller. New Haven; CT; Yale University Press, 1992, P. 133–155.

М.С. Тысячинок

Tarrow S. Struggle, Politics, and Reform: Collective Action, Social Movements, and Cycles of Protest // Western Societies Program, Occasional paper. N 21. Center for International Studies. Ithaca; N.Y.: Cornell University Press, 1991.

Tarrow S. Power in Movement: Social Movements, Collective Action, and Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.

Touraine A. Return of the Actor, Minneapolis: University of Minnesota Press, 1988.

Touraine A. The Voice and the Eye: an Analysis of Social Movements. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.

Tysiachniouk M. Conflict as a form of governance: the market campaign to save the Karelian Forests // Nyst n-Haarala (eds). The changing governance of renewable natural resources in Northwest Russia. L.: Ashgate, 2009. P. 169–196.

Wapner P. Environmental Activism and World Civic Politics. Albany: State University of New York Press, 1996.

Yla-Anttila T. How Global Public Debates Enter National Contexts: The Case of Finnish Associations at the World Social Forum. Paper presented at the Colloque «Les mobilizations altermondialistes». 3–5 December. 2003.